

Философия

**РАДИКАЛЬНАЯ РУССКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: МАЛЫЙ НАРОД
ПРОТИВ БОЛЬШОГО НАРОДА**

И.В. Востриков, А.Г. Меркулова

Впоследниенесколькодесятилетийвозрос интерес к такому социально-культурному феномену как русская радикальная интеллигенция. Одни исследователи восторгаются ею, полагая, что это своеобразная «совесть русской культуры». Другие исследователи считают, что именно радикальная интеллигенция виновна в тех многочисленных потрясениях, которые обрушились на Россию в XX веке. Что же такое радикальная русская интеллигенция?

Учебник социальной философии С.Э. Крапивенского гласит, что «интеллигенция — многослойная общность людей, профессионально занимающихся умственным, по преимуществу сложным, творческим трудом» [1, С. 159]. Но еще в начале XX века обнаруживается любопытный парадокс: многие сотрудники умственного труда не желают признавать себя интеллигентами. «Те русские философы, которых не хочет знать русская интеллигенция, которых она относит к иному, враждебному миру, тоже ведь принадлежат к интеллигенции, но чужды «интеллигентщины»» [2, С. 11], — пишет в своей статье «Философская истина и интеллигентская правда Н.А. Бердяев. Значит, интеллигенция — нечто иное, нежели просто образованное сословие.

Исследователь данного вопроса, Н.Е. Покровский полагает, что интеллигенция, являясь чисто российским феноменом, пред-

ставляет собой следующее: «В самом общем виде можно сказать, что интеллигенция — это особый общественный слой, большая группа, главное занятие которой состояло и состоит в умственном труде, рассматриваемом в широком нравственном контексте, и для которой нравственные поиски стали своего рода социальной предназначенностью» [3, С. 9.].

Ему вторит В.К. Кормер: «Это наименование присваивается ныне без разбора образованному слою, всем, кто занимается умственным, не ручным трудом. А это неверно, у нас исказился первоначальный смысл слова. Исходное понятие было весьма тонким, обозначая единственное в своем роде историческое событие: появление в определенной точке пространства, в определенный момент времени совершенно уникальной категории лиц, помимо указанных выше качеств, буквально одержимых еще некоей нравственной рефлексией, ориентированной на преодоление глубочайшего внутреннего разлада, возникшего меж ними и их собственной нацией, меж ними и их же собственным государством» [4, С. 211].

Если так, то почему же на интеллигенцию обрушивается столько критики? Что плохого в нравственных поисках или нравственной рефлексии? Но эмигрантский исследователь В.Ф. Иванов открыто обвиняет интеллигенцию в службе масонству и подготовке Февральской революции. «Русская интеллигенция, служа кругу масонских идей, добившись в своем порыве того, что история русской интеллигенции за 200 последних лет стала историей масонства, служила иде-

ям этим не за страх, а за совесть» [5, С. 23]. С его точки зрения интеллигенция существует во всех странах мира и выступает в роли духовных поводырей народа. Так, он восхищается немецкой интеллигенцией своего времени (1930-х годов): «Немецкая интеллигенция удержала свой народ от революционно-большевистского движения, которое после капитуляции было так близко и возможно. Она организовала народ и вместе с ним отбила натиск темных сил всего мира, которые после войны стремились уничтожить немецкий народ как нацию. Не будь здоровой национальной интеллигенции, Германию постигла бы судьба России. Немецкая интеллигенция проявила здоровый национализм и патриотизм, она вдохнула веру в свой народ и вместе с ним разбила цепи неволи» [5, С. 46].

Но в революции автор обвиняет не всю интеллигенцию, а лишь ее часть: «Вдохновителем и застрельщиком великого бунта была передовая интеллигенция — интеллигенция либерально-радикально-социалистическая» [5, 47–48]. То есть получается, что В. Ф. Иванов неосознанно делит слой духовных поводырей на два типа. Первый тип — это радикальная либерально-социалистическая, а сегодня просто радикально-либеральная интеллигенция. И второй тип — национально-патриотическая интеллигенция. В своих утверждениях о подрывной работе интеллигенции исследователь ведет речь именно о радикальной интеллигенции либерального толка. «Интеллигенция любила не подлинный народ, а воображаемый, именно такой, каким он должен был быть с точки зрения ее идеала. Она любила революцион-

но или социалистически настроенный народ, но она не любила и даже презирала настоящий, реальный народ, верующий, повинующийся и консервативный. Между интеллигенцией и народом лежала пропасть глубокого взаимного непонимания. Никакой духовной и нравственной связи между ними не существовало, так как интеллигенция отрицала все духовные основы жизни народа» [5, С. 49]. Сходные мысли высказывает и М. Могильнер, которая полагает, во-первых, что именно революционно настроенная интеллигенция в борьбе против царизма открыто противопоставила себя не только самодержавной власти, но во многом и российскому обществу как целому, его истории, культуре, верованиям и создала при этом особое социокультурное пространство, «подпольную Россию» со своими преданиями, Героями и Мучениками, собственной идеологией и суррогатом религии. Во-вторых, что радикалы — наиболее последовательная группа интеллигенции, реализовавшая все сущностные черты этого социального слоя, так что можно сказать, что «интеллигент уже по определению радикал». В третьих, что «интеллигенты-радикалы являлись неотъемлемой и характерной частью «большого» российского общества» [6, С. 56].

Говоря об этой группе, И.Р. Шафаревич замечает: «При этом мы встретимся с такой трудностью: эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»... Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока

нам неизвестный слой, некоторый черты которого хотим восстановить» [7, С. 419]. В поисках специфики склонного к маскировке социального слоя, Шафаревич обнаруживает следующую тенденцию: «Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «Малый Народ» среди «Большого народа». Можно было бы сказать — антинарод среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу обращения мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк...» [7, С. 421].

Термин «малый народ» подарил миру французский историк и социальный философ Огюстен Кошен. В своей замечательной работе «Малый Народ и революция» исследователь написал замечательный портрет того самого слоя, который сам себя в России называет образованным сословием и элитой, во Франции времен революции 1789 года гордо именовался «партией адвокатов». «Вольнодумцем не рождаются, еще менее им становятся на свежем воздухе реальной жизни, полном религиозных и других веяний, кастовым, корпоративным, сословным духом, духом землячества и семейственности. (...) Отсюда необходимость методической, то есть «философской» (мы говорим — «вольнодумной») подготовки, необходимость особой среды, то есть обществ мысли, где под колпаком, укрытая от контакта с реальной жизнью, в некотором граде равных, исключительно умственном и идеальном, формируется душа филосо-

фа и гражданина. Отсюда также необходимость употреблять силу и хитрость против большинства людей, не относящихся к этим привилегированным носителям сознания и разума. Это обязанность посвященных» [8, С. 120–121].

Для того, чтобы развеять последние сомнения о принадлежности радикальной интеллигенции, «сектантов с затверженными догматами» (Ключевский) к тому самому «Малому Народу», который заливал кровью Францию, достаточно вспомнить слова В.Ф. Иванова о том, что интеллигенция любит не реальный народ, а свои мысли о нем (цитировалось выше), и сравнить их с высказыванием Кошена о французском «Малом Народ»: ««Свободный народ» якобинцев не существует, и никогда не будет существовать, он сам себя творит, как ренановский бог. Это предельный закон, ведущая мысль глубокого религиозного значения: это не фактическая реальность, какие историк встречает на своем пути» [8, С. 121].

Резюмируя все выше сказанное, можно с уверенностью заключить, что под ярлыком радикальной интеллигенции скрывается чуждая русскому народу социально-духовная целостность, которую гипотетически можно назвать «Малым Народом». Будучи одержима спекулятивными мысленными построениями, она с легкостью приносит в жертву своим социальным опытам «Большой Народ». Таким образом, те исследователи, обвиняющие весь образованный слой в целом в нелепых цивилизаторских потугах, которые оканчиваются для социума обычно плачевно, оказались во власти мифа, созданного «Малым Народом».

Список литературы

1. Крапивенский С.Э. Социальная философия: учебник для студентов вузов / С.Э. Крапивенский. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1998.
2. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. — М.: «Правда», 1991.
3. Покровский Н.Е. Российская интеллигенция перед историческим выбором // Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. — М.: Эдиториал УРСС. 1996.
4. Кормер В.К. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Крот истории или революция в республике S=F. — М.: Традиция. 1997.
5. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней /В.Ф. Иванов/ — М.: «Москва». 1998.
6. Могильнер М. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. — 1994. — № 5.
7. Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? //Русофобия — М.: «Советский писатель». 1991.
8. Кошен О. Малый народ и революция /О. Кошен/ — М.: Айрис-Пресс. 2004.

**«ГЕРОИЗМ» РАДИКАЛЬНОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

С.И. Сулимов, И.А. Кель

С середины XIX века ни одно потрясение русской политической и духовной жизни не обходится без участия в нем радикально настроенной интеллигенции. Интеллигенты-народники подстрекали к бунту крестьян,

интеллигенты-эсеры убивали должностных лиц, интеллигенты-чекисты подвергали русскую культуру безжалостному уничтожению, интеллигенты-диссиденты расшатывали основы советского режима, и теперь интеллигенты-либералы требуют углубления губительных для страны реформ. Во всех случаях, кроме последнего, этих радикалов в случае провала (а порой и в случае успеха) ждала неминуемая расправа. Народники и эсеры заканчивали свои дни на виселицах и в тюрьмах, чекисты нередко гибли от рук патриархально настроенных граждан, диссиденты нередко дрейфовали между лагерями ГУЛАГа и психиатрическими больницами. В наши дни радикалы из национал-большевистской партии организуют акции неповиновения, которые порой стоят им свободы. И почти все они в своей борьбе выказывали буквально героические самопожертвование и непреклонность. В чем же корни данного явления? Узнав, откуда берется интеллигентный героизм, общество сможет направить его в иное русло, нежели бесконечная и бессмысленная конфронтация с властями.

В начале XX века видный отечественный философ С.Н. Булгаков, исследуя мировоззрение радикальной интеллигенции, выделяет такую его черту как мнимый героизм. Анализируя данный вопрос, философ делает вывод, что героизм радикальной интеллигенции — явление болезненное. Мыслитель описывает это состояние так: «Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы, опираясь при этом на свою самооценку. Героизм (курсив автора) — вот то слово, которое выража-